

Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований «Москва-1976», «Россия-2000» и «Россия-2014»)

УДК 314.3(470+571)

В статье рассматриваются изменения института семьи и рождаемости в России в условиях глобальных тенденций. С усилением установок на однодетность обесценивается семья с несколькими детьми, что приводит к потере привлекательности семейно-детного образа жизни в сравнении с одиночно-холостяцким существованием.

Ключевые слова

Сокращение рождаемости, число детей, репродуктивные установки, малодетность.

Авторы

Антонов Анатолий Иванович — заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор.

Грудина Татьяна Николаевна — научный сотрудник кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук.

В России рождаемость снижается давно, с конца XIX в.: в 1896 г. приходилось в среднем 7 рождений на одну женщину, в 1926 г. — 6,4, в 1938 г. — 4,8, в 1959 г. — 2,6, в 1969 г. — 1,97, в 1979 г. — 1,90, в 1989 г. — 2,01, в 1999 г. — 1,17, в 2009 г. — 1,54, в 2013 г. — 1,75. В 1970-е годы распространилась массовая малодетность, то есть преобладающей стала потребность в двух детях, и именно это снижение рождаемости ниже уровня воспроизводства поколений (2,1 ребенка) оценивается в демографии отрицательно. Длительное сохранение малодетности через 20–25 лет приводит к убыли населения, что собственно и произошло в нашей стране — с 1992 г. в РФ началась депопуляция, превышение числа умерших над числом родившихся из-за недорождения той доли детей, которая компенсирует смертность. Политика поддержки работающих на производстве матерей в 1980-е годы позволила затормозить снижение рождаемости на уровне двухдетности, однако в 1990-е годы «шоковая терапия» заблокировала реализацию массовой потребности в двух детях. В первой декаде XXI в. политика материнского капитала и увеличения пособий на детей способствовала более полному удовлетворению потребности в двух детях, но со-

кращение рождаемости продолжало наблюдаться в межпереписной период 2002–2010 гг. (табл. 1).

Данные табл. 1 показывают, что сокращение рождаемости в межпереписной период происходило за счет снижения рождений третьей, четвертой, пятой и более очередностей, а увеличение доли рождений первых и вторых детей не смогло перекрыть отмеченное сокращение доли третьих и более по порядку рождений.

Среднее число рожденных на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше сократилось с 1513 в 2002 г. до 1469. Таким образом, временное увеличение коэффициентов рождаемости в 2007–2010 гг. не повлияло на общую тенденцию сокращения рождаемости в первой декаде XXI столетия. В связи с этим на 3,2 млн сократилось молодое население (моложе трудоспособного возраста) и увеличилось на 1,9 млн население старше трудоспособного возраста.

Рождаемость остается ниже уровня простого воспроизводства населения 2,15 (суммарный коэффициент в пределах 1,65–1,75 в 2012–2014 гг.), и возможно дальнейшее ее снижение, если в 2015–2020 гг. не активизиру-

ется демографическая политика по усилению потребности семьи в детях.

Влияние возрастной структуры на тенденции рождаемости хорошо просматривается по трендам первой декады XXI в., однако во второй декаде намечается ухудшение динамики рождаемости. Особое беспокойство вызывает сокращение численности репродуктивных когорт женщин в возрасте до 25 лет после 2006 г. и 25–34 лет после 2015 г. (рис. 1). Это обстоятельство может заметно снизить коэффициенты рождаемости, в связи с чем требуется противостоять этой тенденции, стремясь повысить репродуктивные установки и улучшить условия реализации семейной потребности в детях.

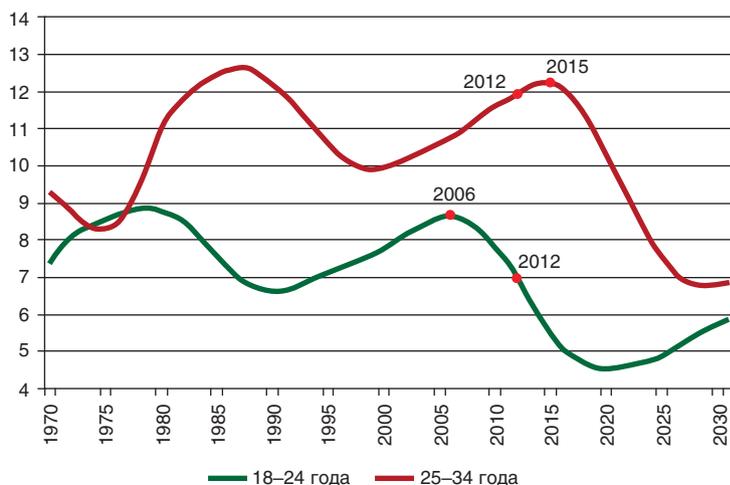
К сожалению, убыль населения продолжится в предстоящие 10–15 лет и вновь увеличится, если не будут приняты меры по усилению репродуктивной мотивации, повышению репродуктивных установок и потребности в детях, по увеличению ценности семьи и детей в обществе. Возможное падение рождаемости в предстоящие годы обусловлено ухудшением структуры репродуктивного контингента и дальнейшим ослаблением установок детности. Рост коэф-

Таблица 1

Показатель	Млн чел.		2010 г., % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Все женщины в возрасте 15 лет и более, ответившие на вопрос о рождаемости	62,9	62,4	99,3	100	100
из них указали число рожденных детей:					
1	19,2	19,4	101,4	30,5	31,2
2	21,2	21,5	101,5	33,7	34,4
3	5,6	5,5	97,5	8,9	8,7
4	1,6	1,4	87,1	2,5	2,2
5 и более	1,7	1,2	72,3	2,7	2,0
Не родили ни одного ребенка	13,6	13,4	98,4	21,7	21,5

Рисунок 1

Прогнозируемое снижение численности когорт 25–34 лет после 2015 г. и 18–24 лет после 2006 г. [2]

фициентов рождаемости в период 2007–2014 гг. являлся кратковременным, так как был обусловлен не усилением самой потребности в детях, а одновременной реализацией потребности во втором ребенке сразу в нескольких возрастных когортах (также структурным изменением в календаре рождений). Материнский капитал не повысил потребности в детях, а лишь ускорил реализацию потребности в одном-двух детях среди разных возрастных групп. Тем не менее отмена его в условиях продолжающейся девальвации ценности семьи и детей была бы ошибкой. Отказ от мер семейно-демографической политики (который все чаще обсуждается экономистами и политиками в условиях действия антироссийских санкций и финансово-экономического кризиса) будет способствовать дальнейшей девальвации ценности семьи, ослаблению потребности в семье и детях, то есть усилению основного фактора снижения рождаемости. Условия жизни в случае их улучшения способствуют лишь более полной реализации уже имеющегося уровня потребности в детях (1–2), но не ведут к росту самой потребности и установок детности. Собствен-

но, именно этот вывод следует из проводимых в стране исследований репродуктивных установок, норм и ценностей.

В контексте сложившихся ценностно-мотивационных особенностей массового сознания современного населения (низ-

Материнский капитал не повысил потребности в детях, а лишь ускорил реализацию потребности в одном-двух детях среди разных возрастных групп.

кой ценности семейно-детного образа жизни, семьи и брака вообще) надо рассматривать известные статистические тренды роста сожителств и разводов, увеличения среднего возраста вступления в брак, возраста матери при рождении детей и последнего ребенка, удлинения интервалов между рожденьями детей, увеличения числа неполных семей, одиночных родителей, роста проблемных или неблагополучных детей, роста депривации родителей и детей, наконец, низкой доли семей с тремя-четырьмя детьми и дальнейшего уменьшения ничтожной доли семей с пятью и более детьми.

По первым итогам Всероссийской переписи 2010 г. видно, что негативные тенденции институциональных изменений семьи продолжали действовать. Уменьшилось на 1 млн число супружеских пар (в 2002 г. — 34 млн), при этом среди населения в возрасте 16 лет и старше число состоящих в браке сократилось с 67,9 млн в 2002 г. до 66,5 млн в 2010 г. Доля состоящих в незарегистрированном браке увеличилась с 9,7 до 13% (4,4 млн пар). Также уменьшился средний размер домохозяйств — с 2,7 до 2,6 человека за счет уменьшения числа домохозяйств, состоящих из трех и более человек, при этом более половины всех частных домохозяйств состояли из одного и двух человек. В межпереписной период увеличилось на 15% число домохозяйств, не имеющих детей до 18 лет, и снизилось на 8% число домохозяйств, состоящих из двух и более человек и имеющих детей до 18 лет. Число домохозяйств с одним ребенком снизилось с 65,5 до 65,2%, немного увеличилась доля домо-

хозяйств с двумя детьми (с 27,5 до 28,25%), доля домохозяйств с тремя и более детьми упала с 7,0 до 6,6%.

За всей этой часто обсуждаемой статистикой стоит не стереотип «ухудшения» материальных и жилищных условий жизни (постоянно оживляемый большинством журналистов и политиков), а научно установленный факт потери привлекательности семейно-детного образа жизни в сравнении с одиночно-холостяцким существованием. Причем в каждом новом поколении для личности престиж собственно семейности, то есть ценности семьи, брака, воспитания не-

скольких детей, снижается, как свидетельствуют данные социолого-демографических исследований, проводимых во всех регионах России.

С другой стороны, «привлекательность» семьи низка и для государства, для всех социальных институтов, поскольку зона автономии семьи как суверенного института незначительна. Отсюда падение ценностных приоритетов семьи и детей в индивидуальном самосознании и в общественном мнении. Изучение репродуктивных ценностей и норм стало в последнее время настоящей необходимостью в социологии семьи и рождаемости. В данной статье описываются первые результаты социологического исследования «Россия-2014», проводимого Институтом социологии РАН и социологическим факультетом МГУ им. Ломоносова. Информация собиралась в основном в городах (Белгород, Екатеринбург, Уфа, Осташков, Кострома, Южно-Сахалинск, Москва, Миасс и др.). Опрошено на начало 2015 г. 2169 респондентов, из них 38,5% мужчин, 61,5% женщин, при этом 41,7% в возрасте 30–49 лет, 31,7% — молодежь 18–29 лет, 26,5% — люди в возрасте 50 лет и старше. Состоящих в браке — 59,2%, холостых — 27,6, разведенных — 8,3, вдовых — 4,9, бездетных — 60,4, однопородных — 22,3, двухдетных — 13,8, с тремя детьми и более — 3,6% (учитывались дети до 16 лет). В выборке преобладают респонденты с высшим и средним специальным образованием — 87,5%. Среди незанятых во внесемейном труде учащихся — 13,6%, пенсионеров — 10,9 и домохозяйек — 8,4%. По самооценке, с высоким доходом — 3,3%, средним — 68,8 и низким — 27,9% (не дали ответа 1344 из 2169).

Изучение дифференциации установок детности проводилось в сопоставлении с данными исследований «Россия-2000»

и «Москва-1978». Обычно репродуктивные установки измеряются по индексам идеального, желаемого и ожидаемого числа детей в семье. В советское время обследования общесоюзного характера, проведенные В.А. Беловой и Л.Е. Дарским, выявили преобладание величин предпочитаемого числа детей ниже уровня 2,88, необходимого, по оценке В.А. Борисова [3], для простого воспроизводства населения (для идеального и желаемого при всех необходимых условиях числа детей в семье) и ниже 2,45 (требуемого для ожидаемого числа рождений в имеющихся условиях жизни). По микропереписи населения РФ 1994 г. желаемое число детей для женщин 18–44 лет составило 1,913,

ожидаемое — 1,767. Во всероссийском опросе Росстата 2009 г. желаемое число детей у женщин составило 2,28 (у мужчин — 2,38), тогда как ожидаемое число детей соответственно было 1,72 и 1,90 [4]. В табл. 2 представлены величины предпочитаемого количества детей по исследованиям двух последних десятилетий. Вариации следующие: по идеальному числу детей — от 1,53 до 2,53, по желаемому числу детей — от 1,65 до 2,46 и по ожидаемому числу детей — от 1,08 до 1,83.

В исследовании «Россия-2000» идеальное число детей составило 2,35, желаемое при всех условиях — 2,50 и ожидаемое сейчас число детей — 1,92. В опро-

Таблица 2

Дифференциация предпочитаемого количества детей в России (по опросам ВЦИОМ/Левада-Центра в 1991–2006 гг.), чел.				
Год	Идеальное число	Желаемое число	Ожидаемое число	Фактическое число детей, чел. опрощ.
1991	2,10	2,25	1,77	1314
1992	1,53	1,96	1,33	1357
1994	2,02	1,65	1,08	3776
1995	2,25/2,28	2,07/2,12	1,26/1,28	1,66–1980
1996	2,23/2,25	2,09/2,11	1,39/1,63	1,60–2105
1997	2,08	2,07	1,59	1,42–2022
1998	2,16	2,19	1,54	1,45–2107
1999	2,10	2,21	1,36	2085
2000	2,18	2,17	1,55	–
2001	2,40	2,43	1,52	1,48–1600
2003	2,38	2,19	–	1,51–1600 1,40–1600 1,30–1002
2005	2,53	2,46	1,57	1,49
2006	2,06	–	1,83	1,50

Таблица 3

Различия индексов предпочитаемого числа детей среди христиан, мусульман, иудеев и внеконфессиональных респондентов [5]			
Конфессия	Идеальное число детей	Желаемое число детей при необходимых условиях	Ожидаемое число детей
Христиане (533)	2,48	2,46	1,97
Мусульмане (238)	2,61	2,66	2,03
Иудеи (178)	2,65	2,63	1,74
Внеконфессиональные респонденты (135)	2,35	2,36	1,62

се 2014 г., к сожалению, эти индексы не определялись, но по косвенным сопоставлениям они близки к данным исследования «Россия-2000». В исследовании кафедры социологии семьи 2006 г. наибольшее значение желаемого числа детей наблюдается у мусульман — 2,66, идеального числа детей — у иудеев (2,65), ожидаемого числа детей — у христиан (1,97) и мусульман (2,03) (табл. 3).

Поскольку все индикаторы предпочитаемого числа детей фиксируют уровень потребности в детях в зависимости от различий в условиях жизни семей, то возникает задача социологического измерения собственно установок детности в строгом смысле слова, то есть без влияния фактора условий жизни. Техника

Рисунок 2

арифметически ниже величина СД (чем ближе к 0), тем выше значимость этого числа детей.

В табл. 4 наименьшая величина СД равна 0,64 между «дети — двое детей в семье». Это значит, что

Снизилось и само значение позитивного эталона «дети» и одновременно, по-видимому, повысилось значение негативного эталона «бездетная семья».

семантического дифференциала (СД) и предложенные на этой основе процедуры СД позволяют приблизиться к измерению самих установок на число детей независимо от условий жизни семьи [6, 7]. Процедура сопоставления любого числа детей с негативным эталоном бездетности или с позитивным эталоном «дети» показана на рис. 2. Величина СД между эталоном «дети» и любым числом детей показывает значимость отдельного числа детей для респондентов. Чем

в выборке исследования «Москва-1978» (1319 человек) именно потребность в двух детях была преобладающей среди двухдетных москвичек (установка на третьего слабее в 4,5 раза). Здесь видно также существенное различие между позитивным и негативным эталонами, равное 11,74 (при максимальном различии 15,0). И это различие заметно уменьшилось до 8,60 в выборке 2000 г. (по ответам 1500 человек), где были представлены не только двухдетные женщины, но

и трехдетные, а также однодетные. Данное уменьшение связано, как видно из табл. 4, и с резким снижением установок на двухдетность (в восемь с лишним раз) и установок на трехдетность (почти в два раза). Отсюда следует, что снизилось и само значение позитивного эталона «дети» и одновременно, по-видимому, повысилось значение негативного эталона «бездетная семья».

Этот вывод подтверждается и данными исследования (1976 г.) 260 москвичек с разным числом детей (от 0 до трех и более). На рис. 3 показано, что Россия относится к странам с низким процентом отказа от морального осуждения тех, кто добровольно не желает иметь детей вообще. При сильно негативной оценке бездетности в 1976 г. (14,39) и 1978 г. (11,74) в 2000 г. мы видим смещение этой оценки в позитивную сторону (8,60). Смешанная по детности выборка 1976 г. дает в среднем более негативное отношение (в сравнении с двухдетной выборкой 1978 г.) к однодетности (8,15) и трехдетности (8,45). Заметно слабее и установка на двоих детей (5,45), но при сравнении с выборкой 2000 г. оказывается, что она остается почти неизменной по своей интенсивности. Вместе с тем сопоставление с выборкой 1976 г. позволяет говорить о значительном усилении установок на единственного ребенка в семье при одновременном нивелировании различий между установками на троих и двоих детей.

Усиливающаяся значимость однодетности в 1976–2014 гг. показана на рис. 4 и 5. В 1976 г. наблюдаются высокие арифметические величины СД, близкие к максимальному значению 15,0, тогда как в 2014 г. они резко снижаются и заметнее всего между «бездетностью — однодетностью». В опросе 2014 г., проведенном Научным центром

Таблица 4

Установки на число детей в семье, измеренные методом семантического дифференциала в исследованиях «Москва-1978» и «Россия-2000»

Исследование	Один ребенок в семье	Двое детей в семье	Трое и более детей в семье	Бездетная семья
«Москва-1978»	4,48	0,64	2,89	11,74
«Россия-2000»	4,27	5,48	5,04	8,60

Примечание. Максимальная величина семантического дифференциала, выражающая самое негативное отношение, равна 15,0, самое позитивное — 0.

Фонда АП, кафедрой социологии семьи социологического факультета МГУ и Институтом социологии РАН в ряде регионов РФ (опрошено более 2000 человек, данные по СД рассчитаны в первой очереди обработки данных для 390 человек, для 908 человек в опросе 2000 г. и для 257 человек в опросе 1976 г.), усиление установок на однодетность обесценивает семьи с несколькими детьми, причем различия между двумя и тремя, одним и тремя, одним и двумя детьми сглаживаются (см. рис. 4). Меньше трети респондентов с одним ребенком испытывают потребность во втором ребенке, а среди двухдетных менее 5% хотят третьего, поэтому наименьшие различия между менее значимыми установками 2–3 и 1–2 и наибольшие — между 1–3 (4,42) (см. рис. 5).

В последнем случае мы видим резкое сокращение СД по сравнению с СД = 10,03 в 1976 г., когда была пропасть между этими установками. Но ослабление установки на троих детей и усиление установки на однодетность дает нынешнюю разницу между ними. Однако различие значительно меньше между установками 1–2 за счет снижения ценности двухдетности, пока еще не совпадающей с растущей ценностью однодетной семьи. Интересно сравнить дифференциацию репродуктивных установок среди однодетных респондентов в 1976 г. и 2014 г. (табл. 5 и б).

Сопоставление числа детей с позитивным эталоном «дети» в табл. 5 показывает, что наименьшее расхождение с эталоном относится к двухдетности (1,85), а наибольшее — к четырем детям и к бездетности, причем интенсивность установки на одного ребенка почти в два раза слабее, чем на двоих детей. Другими словами, наибольшая значимость придается двухдетности, и в этой выборке это норма детности или преобладающая потребность в детях.

Рисунок 3

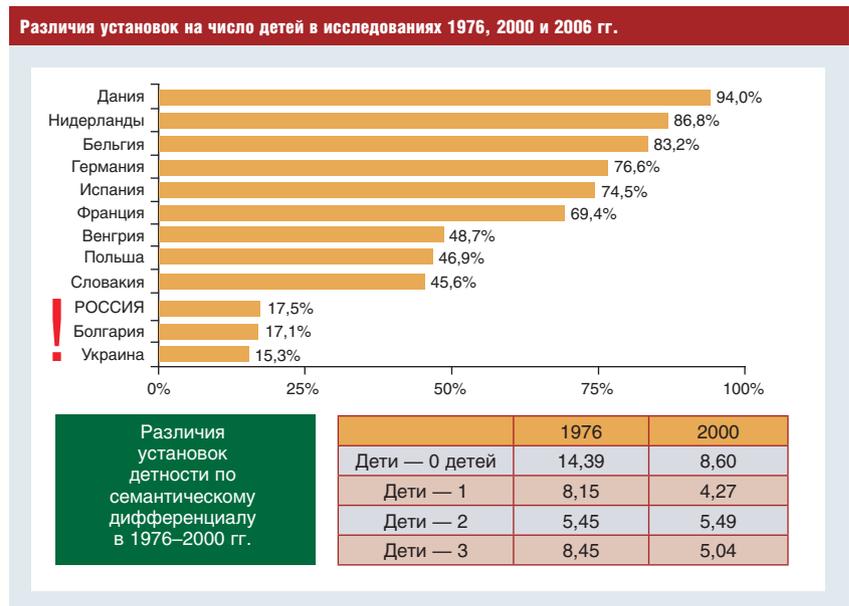

Рисунок 4

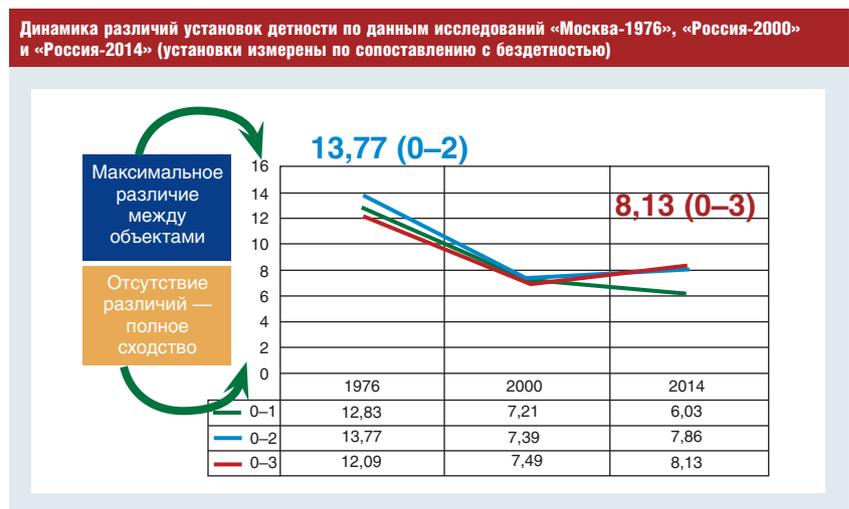

Рисунок 5

Таблица 5

Дифференциация установок на число детей среди однодетных респондентов в исследовании «Москва-1976» (всего: 267 человек) по эталонам позитивной и негативной оценки

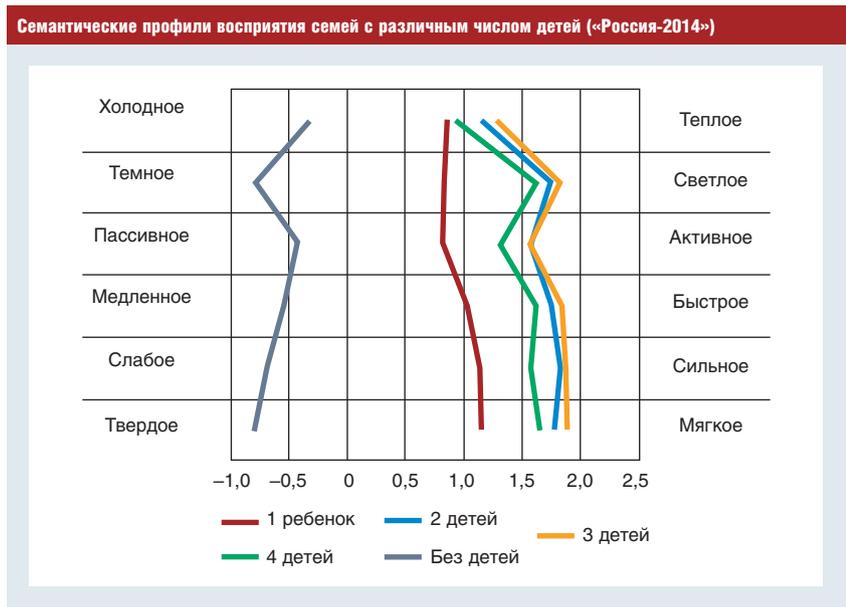
Число детей	Число детей				
	0	4	3	2	1
0	×	5,31	7,04	10,47	10,46
4	5,31	×	4,15	7,96	8,81
3	7,04	4,15	×	5,83	6,71
2	10,47	7,96	5,83	×	2,34
1	10,46	8,81	6,71	2,34	

Таблица 6

Дифференциация установок детности по СД среди 101 однодетного респондента в опросе «Россия-2014» (всего 390 человек)

Число детей	Число детей				
	0	4	3	2	1
0	×	7,05	7,39	7,03	5,59
4	7,05	×	2,14	3,29	4,25
3	7,39	2,14	×	2,38	3,72
2	7,03	3,29	2,38	×	2,73
1	5,59	4,25	3,72	2,73	

Рисунок 6

Сопоставление с негативным эталоном бездетности в табл. 5 показывает, что наименьшее расхождение относится к четырем детям (5,31), а наибольшее — к одному-двум детям, и это значит, что данные установки дальше всех отстоят от полюса негативности (следовательно, они

наиболее позитивно оцениваются). Таким образом, данные первой и второй строки подтверждают значимость установок к малодетности и низкую ценность трех- и четырехдетности. В опросе 2014 г. (табл. 6) наименьшее расхождение с негативным эталоном относит-

ся к однодетности (5,59), а установки к двум, трем и четырем детям находятся в одном ряду по своей значимости. Установки к нескольким детям более предпочтительны, хотя, имея одного ребенка, респонденты сближают его значимость более всего с бездетностью.

Интересно, что различие по величине СД между одним и двумя детьми (2,73) стало больше в 2014 г. (было 2,34), а различие между тремя и четырьмя детьми стало меньше — 2,14 (было 4,15), также стало меньше различие между двумя и тремя детьми — 2,38 (было 5,83). Другими словами, при переориентации на рождение всего одного ребенка ослабляется интенсивность установок на двух и более детей, причем различия между незначимыми для респондентов количествами детей становятся все меньше (рис. 6).

На рис. 6, во-первых, четко видно, насколько сильно семья без детей отличается от всех семей с детьми, во-вторых, заметно, что профили семей с двумя и тремя детьми более близкие, чем с четырьмя. В заключение можно сказать, что ориентации на двоих и более детей находятся в правом секторе шкалы, имеющем более позитивную валентность, чем однодетность, хотя настораживает прежде всего сближение кривых бездетности и однодетности.

Нынешние изменения института семьи и рождаемости в нашей стране и других развитых странах мира являются продолжением и логическим завершением глобальных тенденций, возникших во второй половине XX столетия под влиянием индустриализации, урбанизации, научно-технических достижений в медицине, здравоохранении и в других сферах под влиянием модернизации. Оценивая эти изменения негатив-

но по критериям воспроизводства населения и по критериям эффективной реализации институциональных функций семьи, следует помнить, что наблюдаемые сегодня изменения *рукотворны* и, следовательно, *обратимы*, поскольку они являются итогом исторической деятельности миллионов людей — действий государства, социальных институтов, а также планируемых и неконтролируемых воздействий. В связи с этим требуется активизировать семейно-демографическую политику, разработку программ и проектов пронаталистского и семье-

центристского преобразования общества, планов по устранению депопуляции и нестабильности семьи с детьми и нормативных прогнозов семейно-демографической политики. **✉**

ПЭС 15082/29.06.2015

Источники

1. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
2. Население России [Электронный ресурс]: четырнадцатый ежегодный демографический доклад. 2008. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r06/acrobat/nr2006.pdf.

ru/weekly/knigi/ns_r06/acrobat/nr2006.pdf.

3. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический Проект; Алма-Матер, 2011. С. 178

4. Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 281.

5. Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении. М.: КДУ, 2009. 288 с.

6. Социология семьи / Под ред. А.И. Антонова. М., 2005; Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 1998.

7. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М., 2011.

Decrease of Social Installations on Number of Children in Russian Family (according to Social-Demographic Research Works "Moscow 1976", "Russia 2000", "Russia 2014")

Anatoly Antonov, Tat'yana Grudina

This article discusses changes in the institution of family and the birth rate in our country in the context of global trends. With the strengthening of attitudes on one child the family with several children depreciates. It leads to the loss of attractiveness of family-children lifestyle in comparison with single-bachelor existence.

Keywords: reduction of fertility, number of children, reproductive attitudes, small families.